

ХРОНИКА

ПЕРВАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА РАН Ю. С. СТЕПАНОВА

С 14 по 16 февраля 2013 г. в Институте языкознания РАН прошла международная научная конференция “Научные поколения и лингвистические парадигмы цивилизации XX–XXI вв.” Это была первая конференция, посвященная памяти академика Юрия Сергеевича Степанова, выдающегося лингвиста, философа языка, семиотика, ушедшего из жизни 3 января 2012 г. В конференции приняли участие ученики и последователи Ю.С. Степанова, а также многие ученые, которые хотели почтить его память, из разных городов России и ряда европейских стран.

Оргкомитет возглавили: директор ИЯз РАН, член-корреспондент РАН В.М. Алпатов, заместитель директора, заведующий отделом теоретического и прикладного языкознания ИЯз РАН, доктор филологических наук В.З. Демьянков, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания ИЯз РАН, доктор филологических наук Н.М. Азарова; ответственный секретарь оргкомитета – кандидат филологических наук С.Ю. Бочавер. В организации конференции приняли участие сотрудники Научно-образовательного центра им. академика Ю.С. Степанова.

Конференция носила проблемный характер, представленные доклады хорошо корреспондировали друг с другом, поскольку на конференции обсуждался круг проблем, непосредственно связанных с научными интересами Ю.С. Степанова: многомерность языка, концепты и константы, авангард и многое другое. Названия книг Степанова стали своего рода эмблемами секций различной тематики, так пленарное заседание проходило в “Трехмерном пространстве языка”, а разговор о личности ученого и воспоминания о нем проходили под знаком “Мыслящего тростника”.

Пленарное заседание открыл директор Института языкознания РАН член-корр. РАН В.М. Алпатов, отметивший выдающиеся научные достижения Ю.С. Степанова. Участников конференции приветствовала также вдова академика, к.ф.н. Л.Н. Степанова.

Доклады на пленарном заседании соответствовали магистральным направлениям исследовательской деятельности Ю.С. Степанова: концепты, индоевропеистика, семиотика и художественный

текст. В своем докладе на пленарном заседании чл.-корр. РАН В.А. Виноградов осветил соотношение заимствования слов и концептов; заимствование слова (имени предметного мира) не означает автоматического заимствования концепта, оно может произойти только в том случае, если в культуре присутствует *концептуальная пустая клетка, когнитивная пустая клетка*. Так, в русском языке сначала появилось слово *революция* (XVIII в.), ясное значение которого было трудно определить, а соответствующий концепт возник только в XIX в. Особое место в докладе занимало описание процесса *деконцептуализации*, при котором слово остается, а концепт теряется (его иллюстрацией может служить история дуэли в России).

Чл.-корр. РАН Т.М. Николаева рассмотрела ядерные структуры основных типов паремий – загадки и пословицы – с позиций Ю.С. Степанова (“Индоевропейское предложение”, 1989 г.). Особое внимание было уделено различию социальных функций загадки и пословицы и появлению в их структуре особого вида субъекта/объекта – а именно, *артефакта*. Пословица относится *ко всякому*, а загадка – *ко всему*. Поскольку загадка ориентируется на познание, а пословица – на поведение, смысловым центром пословицы является глагол, а загадки – имя. У пословиц и загадок разная грамматика. Так, в пословицах без компонента “условие” глагол выражен формами настоящего неактивного, простого будущего с деонтическим наполнением, императивом единственного числа, краткими формами именного сказуемого, а в пословицах с компонентом “условие” глагол включает семантику “дополнительной ситуации”. При этом имя в пословицах часто относится к нереперенционным и неверифицируемым именным группам. В загадках глагол выражен или формами результатива, перфектности или формами дуратива; часты глаголы статальной семантики: *сидит, висит, лежит* (Тип I по Степанову); имя представлено дважды: в загадке и в отгадке. Таким образом, если основываться на классификации Ю.С. Степанова, более древний тип индоевропейского предложения представлен загадкой, а не пословицей.

Д.ф.н. В.З. Демьянков посвятил свой доклад соотношению синтактики, семантики и прагматики в научном творчестве Ю.С. Степанова. Принимая во внимание тенденцию к междисциплинарности, господствующую в современной науке, докладчик делит ученых на две группы: *теоретики-экспортеры* и *теоретики-импортеры*. Если первые экспортируют достижения своей науки за ее пределы, то вторые, напротив, пытаются использовать достижения других наук для решения собственных научных проблем. Ю.С. Степанов относится ко второй группе: он импортирует в лингвистику идеи и теоретические конструкции из нелингвистических наук (математики, биологии и др.), которые выступают в качестве эвристического подспорья. Особенно подробно были проанализированы идеи, представленные в работах Ю.С. Степанова “Семиотика” (1971 г.) и “В трехмерном пространстве языка” (1985 г.). В частности, В.З. Демьянков остановился на проблемах соотношения основных разделов семиотики – синтактики, прагматики и семантики. Он обратился также к взаимоотношению кибернетики и семиотики; подробно рассмотрел теорию эволюционных рядов Ю.С. Степанова, обогащая ее собственными примерами, а также сопоставил ее с философскими концепциями языка, понимаемыми не как аморфный единый поток, а как смена определенных стилей мышления или парадигм.

Лирический мотив в художественной литературе был осмыслен д.ф.н. И.В. Силантьевым как обобщенная форма семантически подобных событий, взятых в рамках определенной повествовательной традиции фольклора или литературы. Специфика мотива в лирике обусловлена существом лирического события, которое по своей природе принципиально отличается от эпического события, объективированного рассказом, и потому отделенное от читателя, поскольку лирическое событие – это субъективированное событие переживания, непосредственно вовлекающее в свое целое и читателя. В общем виде существо лирического события можно свести к следующей формуле: это качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя. Лирические мотивы легко и органично образуют комплексы, которые отличают следующие признаки: свободное тяготение мотивов друг к другу; отражение значимых аспектов лирической архитектоники творчества поэта; статико-динамический характер.

Работа конференции продолжилась на секции, посвященной истории языка и индоевропеистике,

в названии которой были использованы заглавия двух книг Ю.С. Степанова “Имена. Предикаты. Предложения” (1981 г.) и “Индоевропейское предложение” (1989 г.). Параллельно ей проходила секция молодых ученых, названная по книге “Методы и принципы современной лингвистики” (1975 г.).

В докладе акад. РАН В.А. Дыбо на тему “Кельто-италийские долготы и их значение для реконструкции протоиндоевропейской акцентной системы” речь шла о том, что индоиранская и греческая акцентные системы категориального типа следует рассматривать как инновативные по отношению к акцентным системам парадигматического типа в балто-славянском, германском и итало-кельтском праязыковых состояниях; притом для этих последних систем реконструируется общий прототип. Такая картина является аргументом в пользу выявления греко-арийской ветви индоевропейских языков как рано выделившейся и, возможно, связанной с теми археологическими культурами, которые принято упоминать, говоря о степной прародине индоевропейцев.

Д.ф.н. Е.М. Верещагин символически посвятил свой доклад истории и месту в культуре имени академика Степанова – *Юрий*, являющемуся разговорно-бытовой версией церковного имени *Георгий*. Пытаясь применить пословицу *Nomen est omen* к научной жизни Ю.С. Степанова, докладчик предпринял подробный анализ значения этих имен в скриптурных и гимнографических текстах и показал, что апеллатив *georgós* в отличие от *ágrikos* в греческой книжности означает не “ратай-мужик” (метафорически “неуч”), а “делатель-виноградарь”, причем метафорически – с божественными признаками.

Д.ф.н. К.Г. Красухин вновь обратился к вопросу о правомерности реконструкции неноминативного строя предложения в общеиндоевропейском языковом состоянии, который он не раз обсуждал с Ю.С. Степановым. Докладчик напомнил основные аргументы сторонников такой реконструкции (Г.К. Уленбека, А. Вайана, Г.А. Климова, Ю.С. Степанова, У.Р. Шмальстига) и привёл возражения. Однако дальнейшее исследование этой проблемы должно быть увязано с общей типологией эргативной конструкции. В частности, она развивается из оборотов с пассивным причастием в новоиндийских и новоиранских языках. Более того, конструкции, подобные эргативной, возникают и в языках номинативного строя. Так, в русском языке при именах действия, образованных от переходных глаголов, имя деятеля стоит в творительном падеже, а имя объекта – в роди-

тельном. При именах от непереходных глаголов имя логического субъекта стоит в родительном падеже (*прогулка отца – посещение отца сыном*). По мысли докладчика, эргативная конструкция возникает там, где глагольная форма недостаточно чётко выражает залоговые и субъектно-объектные отношения.

В докладе чл.-корр. РАН *А.В. Дыбо* был дан краткий обзор результатов предварительной семантической реконструкции лексики природного окружения и материальной культуры праиндоевропейского и праалтайского лексиконов. Такое параллельное обследование позволило построить ряд типологических утверждений, касающихся путей изменения лексической семантики в рассматриваемых лексических группах, благодаря чему, во-первых, верифицируется сама семантическая реконструкция, во-вторых, обнаруживаются отличия в составе лексических групп (при том, что по возрасту предполагаемые праязыки сопоставимы), которые можно интерпретировать как связанные с различиями соответствующих денотатов, т.е., делать какие-то выводы о различиях в образе жизни и среде обитания носителей праязыков. В частности, можно показать, что степь может быть исключена по языковым данным из ареала обитания праиндоевропейцев, но при этом должна обязательно присутствовать в регионе проживания праалтайцев; напротив, для праиндоевропейцев, по-видимому, можно предполагать связь с ландшафтом гор или предгорий.

Д.ф.н. *С.Г. Проскурин* рассмотрел происхождение вербальных контрактов в истории римской правовой традиции и проанализировал роль перформативов в стипуляциях (устных договорах между кредитором и должником). Последние создаются на основе юридического утверждения. В римской правовой сети центральными перформативами являются индоевропейские глаголы возлиания (лат. *spondeo*), которые в ритуальных перформативных ядрах эволюционируют в сторону письменных контрактов. Сам текст контракта полностью выводится из перформативных ритуальных практик взаимных обязательств в форме устных стипуляций. Далее, развивая гипотезу об устройстве тематической семантической сети языка и культуры, докладчик предположил, что содержание культуры в своей сердцевине осознается в терминах языка как “ценность”, переживаемая носителями культуры.

Доклад д.ф.н. *В.Я. Порхо́мовского* был посвящен вопросам становления и развития методов и принципов сравнительно-исторического языкознания начиная с эпохи создания универсаль-

ных словарей, которую открыла публикация знаменитого словаря П.С. Палласа в 1787–1789 гг. Процесс формирования парадигмы сравнительно-исторического языкознания был сопоставлен с моделью развития научных дисциплин, представленной Т. Куном в книге “Структура научных революций”. По мнению В.Я. Порхо́мовского, младограмматическая парадигма продолжает выполнять функцию методологической основы компаративистики и в настоящее время, при этом в нее были внесены существенные изменения и дополнения благодаря общему прогрессу языкознания и его различных дисциплин. Была дана также краткая характеристика современного состояния сравнительно-исторического языкознания в сопоставлении с предыдущими периодами, оценка его достижений и проблем.

К.ф.н. *И.И. Макеева* проанализировала концепт *чудо*, определенный как “явление, не объяснимое естественным порядком вещей”; в истории русского языка он представлен существительными *чудо*, *диво*, *знамение*, а также однокоренными прилагательными и глаголами. Слова *чудо* и *диво* связаны с христианской в целом и православной культурой, а *знамение* преимущественно относилось к язычеству. В древне- и старорусском языке семантика слов *чудо* и *диво* совпадала. Благодаря дополнительным коннотациям у них появились контекстуальные значения ‘недоумение’, ‘восхищение’, ‘страх’. Семантическое развитие существительных *чудо* и *диво* шло в направлении утраты значения ‘сверхъестественное явление, объясняемое вмешательством божественной силы’ у слова *диво* (в XVIII в. оно отмечается уже как устаревшее) и его закреплении как основного у слова *чудо*, а также появлении у последнего семантики высокого качества, вызывающего восхищение. Были подробно рассмотрены семантика и употребление производных от них глаголов.

На секции молодых ученых выступили к.ф.н. *Е.М. Князева*, асп. *С.Н. Слепухин*, к.ф.н. *П.С. Дронов*, к.ф.н. *А.С. Баймуратова*, к.ф.н. *С.Ю. Бочавер*, *А.Л. Полян*, к.ф.н. *М.Ю. Мартынов* и к.ф.н. *А.А. Ануфриев*.

Второй день конференции был посвящен проблемам взаимодействия языков искусства, семиотики и концептуального анализа. На секции, посвященной авангарду (она была названа соответственно заглавиям книг Ю.С. Степанова “Протей. Очерки хаотической эволюции”, 2004 г. и “Семиотика авангарда”, 2006 г.), выступил *Ю.Д. Нечипоренко*, который выделил два типа детской литературы, соотносимых с двумя стратегиями пишущего и двумя образами ребенка

как адресата. По его мнению, детские писатели нередко обращаются к ребенку, образ которого возникает на основании их собственного жизненного опыта, что создает неравенство адресата и адресанта. В современной авангардной детской литературе появляются *двунаправленные произведения*, адресованные и взрослым и детям, взрослому в ребенке и ребенку во взрослом.

К.ф.н. О.В. Соколова проанализировала некоторые парадоксы авангарда (лингвистический, эстетический и прагматический), рассмотрев агитационную, рекламную и детскую поэзию. Как характерные черты этих текстов, были выделены целевая адресованность, подчеркнутая диалогичность и особые приемы в создании когезии и когерентности. Была выделена особая авангардная коммуникативная стратегия, совмещающая автореферентность знака и саморефлексию автора с агрессивным воздействием субъекта на адресата как “эстетическую вошь” или “эстетическую вещь” (термины А. Крученых).

К.ф.н. Б.В. Орехов, отметив значимость переводов “Слова о полку Игореве” для русской литературы последних двух веков, выделил перевод Р.О. Якобсона и проанализировал особое соотношение текста и контекста в нем. Почти в каждом фрагменте из 218, на которые сам Якобсон разделил “Слово”, обнаруживает себя атипичное словоупотребление – с точки зрения литературного языка или с точки зрения известной академической традиции переводов, его аномалии не мотивированы древнерусским текстом напрямую. Якобсон, отрицающий старое и ищущий новые формы, действует изнутри филологии, опираясь на глубокое знание проблемы и традиции, и в этом смысле он является авангардистом.

К.ф.н. О.И. Северская рассматривала лингвистические особенности поэтического поколения 1980–2000-х гг. в России, США и Франции. Проведенный анализ текстов метареалистов и поэтов Language school выявил общность идей этого поколения, общим переживанием для него была стабильность. Автор отметила *языковой сдвиг*, осуществленный этими поэтами, что позволило им выработать наднациональное койнэ.

В докладе д.ф.н. Л.В. Зубовой “Поэтические ленты Мёбиуса” на примерах из поэзии второй половины XX–начала XXI в. лента Мёбиуса рассматривалась как метафора и средство сравнения, как основа сюжета и как модель структуры и композиции текста. Анализировались тексты О. Григорьева, К. Кедрова, Б. Кенжеева, Е. Клюева, Д. Быкова, А. Левина, В. Павловой. Было показано, что образы и сюжеты стихотворений с

упоминанием ленты Мёбиуса, а также структура некоторых произведений без этого термина воплощаются в различных тропах, фигурах, в устранении оппозиций, в иконическом соответствии содержания и вербальных элементов текстов этому парадоксальному топологическому объекту как образу мироздания, объединяющему семиотику зеркала и круга.

Д.ф.н. М.В. Ляпон на примере В. Набокова акцентировала тезис о том, что писатель, соединивший в своем творчестве опыт художника и ученого, демонстрирует тем самым аксиомы семиологического мышления, вводя интерпретатора в состояние, названное докладчиком, *продуктивной озадаченностью*. Ю.С. Степанов, используя преимущества изобразительного иносказания, прибегает к иллюстрациям, которые аналогичным образом активизируют эвристическую активность читателя, разгадывающего замысел автора.

В докладе к.и.н. О.В. Ковалева предложена оригинальная концепция “лингвистических вхождений” в структуры визуального текста как формализованной репрезентации соположения знаковых форм языка и искусства в едином процессе культурного семиозиса. По мнению автора доклада, “лингвистические вхождения” не только заполняют промежутки между узлами и линиями знаковой решетки когнитивного и культурологически мотивированного визуального целого, – они непосредственно участвуют в образовании вариативных живописных и/или визуальных рядов. Основываясь на концепции “общности теории языка и теории искусства” Ю.С. Степанова, автор настаивает, что идея лингвистических вхождений позволит отказаться от жесткой антиномичности противопоставления изображения и слова, представить живопись и современное визуальное искусство как континуум, в котором вербальные и визуальные формы всегда соположены друг другу и в котором одновременно присутствуют почти все непрерывные ряды синтаксических и семантических, лексических и морфологических визуальных единиц.

В докладе д.и.н. Н.В. Злыдневой содержится попытка применить опыт семиотического описания модальности Греймаса к изображению. Проблема модальности изображения решается на уровне нарратива состояний, то есть в плане тематическом. Материалом является творчество фотохудожника Б. Михайлова (р. 1938, Харьков). Изображение как состояние описывается в терминах градуированной шкалы по признаку *более/менее*: возникает рассказ о прозрачной действительности, которая располагается на шка-

ле мерцающих переходов-признаков от бытия к не-бытию. Образ обезличенного быта предстает как описание субъекта с точки зрения ущербности, неполноты, недостаточности, то есть с точки зрения модальности.

Д.ф.н. О.Г. Ревзина посвятила свой доклад вопросу о *темпоральной структуре концепта*. Связав тезис Ю.С. Степанова о слоистом строении концепта с понятием темпоральности, она продемонстрировала, что каждый из слоев – это своего рода “осадок культурной жизни разных эпох”. В структуре концепта выделяются три слоя: 1) наиболее отдаленная, дописьменная форма, “внутренняя форма” и этимология; 2) “пассивный”, “исторический” слой; 3) слой актуальный и активный.

Анализ концепта *Человек* в его соотношении с концептами *Свои* – *Чужие* и *Цивилизация* показал, что “ментальная действительность концепта Ю.С. Степанова предстает как совокупность культурных концептов – базовых и производных, находящихся в сложнейших взаимоотношениях между собой”. Соотнеся постулаты и результат: подхода Ю.С. Степанова и подхода исторического – Р. Козеллека, О.Г. Ревзина выявила между этими теоретическими направлениями много общего. Она предложила создать исторический словарь динамических языковых понятий-концептов, в основе которого должен лежать интегрирующий подход.

В докладе к.ф.н. Е.М. Лазуткиной ставится вопрос: может ли когнитивная категория претендовать на роль концепта? Для обнаружения скрытых категорий и концептов необходимо обратиться к рассмотрению синтаксических отношений в предложениях. В основе метода поиска находятся понятия *модель предложения* и *синтаксическая позиция*. Свойства концепта выявляются путем анализа семантической функции в составе семантико-синтаксической организации высказываний и значимости той или иной синтаксической позиции в организации смысла предложения. Категоризация более высокого ранга происходит в результате длительной жизни общезыкового концепта в социуме, осмысления объекта познания в разных системах человеческих ценностей. Слово, репрезентирующее культурный концепт, вполне оправданно может занимать позицию предиката в предложениях таксономической идентификации, таким образом, выявляется самый высокий уровень осмысления концепта – бесспорный для всех культурный ценностный смысл; например: *Ученье – свет, неученье – тьма*.

В докладе д.ф.н. Н.А. Фатеевой обсуждались два основных аспекта в разработке Ю.С. Степановым понятия интертекста. Во-первых, *интертекст* – это среда обитания культурных концептов. Во-вторых, *интертекст* однороден понятиям *интернет* и *интерсубъект*. Оба этих аспекта взаимосвязаны и рассматриваются вкупе с межтекстовым взаимодействием – в глубинном его понимании. Было отмечено, что большинство исследований *интертекста* сосредоточивается на формальном уровне взаимодействия двух или более текстов, а также на поиске аллюзий и реминисценций. Особенностью же подхода Ю.С. Степанова к понятию *интертекста* было то, что он рассматривал любое межтекстовое взаимодействие как концептуальное и интерсубъектное. В этих двух аспектах Н.А. Фатеевой было проанализировано стихотворение Владимира Гандельсмана “Знаешь ли, откуда это синее...”, которое, во-первых, можно интерпретировать в связи с концептом “синего”, коррелирующего у Ю.С. Степанова со строкой Есенина “Несказанное, синее, нежное”, и, во-вторых, в интермедийальной связи с двумя картинами, посвященными воскрешению Лазаря.

Д.ф.н. А. Киклевич (Польша) рассмотрел актуальные вопросы лингво-философских парадигм, в частности, применительно к современному состоянию славянского языкознания. Автор осветил проблему делимитации парадигм, предложил параметризацию научных ситуаций с учетом критерия частотности (например, числа публикаций в той или иной области, профилирование научных журналов, грантовая политика и др.). Особое внимание было уделено содержанию парадигм языкознания; была предложена концепция парадигм как типов профилирования языковых знаков. При этом в структуре знака докладчик выделил несколько аспектов: 1) форму; 2) структуру; 3) предметное значение; 4) понятийное значение; 5) контекст; 6) принцип оптимальности. В зависимости от профилирования одного из этих аспектов были выделены парадигмы языкознания: 1) традиционная (формоцентрическая); 2) психологическая/семантическая; 3) ономазиологическая / реистическая / феноменологическая; 4) структурная; 5) прагматическая/антропологическая; 6) парадигма будущего – интегративная.

К.мат.н. Э.А. Дейнека рассмотрела решения основных эпистемологических проблем семиотики в работах Ю.С. Степанова. По мнению докладчика, семиотика уподобляется логике как компонент общенаучной методологии, поскольку рациональный путь познания в обязательном порядке предполагает моделирование реальности,

опосредованное конструированием знаковых систем. При этом неопределенность эпистемологического статуса семиотики связана с различиями в представлениях о структуре знака в различных сферах науки. В концепции Ю.С. Степанова можно выделить два взаимосвязанных начала: первое предполагает отраслевое построение ряда частных семиотик в рамках предметных областей отдельных наук, второе – связано с развитием общей семиотики, предметом которой “является сравнение, сопоставление и обобщение результатов частных семиотик” (“Семиотика”, 1971, с. 78).

Д.ф.н. Ю.Л. Троицкий предложил схему четырех *репрезентирующих экранов*, которые, по мнению автора, могут стать основой для дискурсивного синтеза. Первый экран, обозначенный как “описание”, представляет некоторое событие как предельно эмпирическую хронику очевидца или близкого к событию современника. Второй экран – “исследование” – репрезентирует логику сциентистского подхода. Следующий экран – “мифологический” – представляет событие как миф. Наконец, последний экран, названный “фальсификационным”, выражает намеренно искаженную версию события. Заданы свойства и “клеточки” каждого экрана. Описание стремится к полноте, но оно всегда имманентно противоречиво, а его единицей является “примарный факт”. Исследование стремится к непротиворечивости и доказательности, но всегда заведомо неполно, а его клеточкой можно считать “аргумент”. Мифологическая стратегия своей единицей полагает “мифему” (термин Клода Леви-Стросса), и стремится быть узнанным, опираясь на архетипические схемы и фреймы. Наконец, фальсификационная стратегия стремится к убедительности, имея в качестве единицы – “идеологему”. Ю.Л. Троицкий полагает, что предложенная схема обладает эвристическим потенциалом в качестве идентифицирующего инструмента уже существующих описаний или генеративной модели будущих текстов. При этом все четыре стратегии рядоположены и не нуждаются в “нарративной склейке”.

К.ф.н. И.В. Зыкова изложила результаты исследования глубинных оснований образности английских фразеологизмов, в семантике и/или структуре которых есть указание на различные аспекты вербальной коммуникации. Для процесса фразеологизации (т.е. порождения образов и на их основе семантики фразеологизмов) в английском языке оказывается константа РЕМЕСЛЮ, на базе которой во фразеологии формируется восприятие коммуникативных процессов как ремесленных действий. Образы английских фразеологизмов,

компоненты которых коррелируют с разнообразными знаковыми средствами семиотической области ремесла, запечатлевают различные виды ремесленной деятельности, существующие в англоязычной культуре в разные исторические периоды. Особое место в докладе занимал вопрос о стратегиях коммуникативной адаптации английских фразеологизмов к дискурсивному контексту, обеспечиваемой константой РЕМЕСЛЮ, которая продуцирует новые варианты или модификации фразеологических единиц в дискурсивных практиках.

Третий день конференции начался с обсуждения поколений и парадигм в науке на секции, названной по книге Ю.С. Степанова “Язык и метод” (1998 г.). Д.ф.н. И.И. Чельшева обратилась к современным проблемам изучения средневековых романских текстов. Сейчас в романистике все чаще создаются обобщающие труды, поэтому особенно важным представляется изучение и описание разных языков с одних исследовательских позиций, обогащающее знания обо всех этих языках. Так, последовательное рассмотрение ранних переводных (интерлинейных) текстов с латыни на романские языки позволяет лучше представить дистанцию между этими языками.

Доклад д.ф.н. В.И. Заботкиной был посвящен различным аспектам взаимосвязи семиотики и когнитивной лингвистики. Проанализировав развитие различных направлений когнитивистики, Заботкина подчеркнула роль Ю.С. Степанова, который первым ввел ментальные концепты. Одним из центральных является предложенное докладчиком понятие *прагматической интерпретанты*, под которым понимается некоторое представление о предмете, несущее информацию об ограничениях на употребление знака в зависимости от основных параметров широкого контекста.

В докладе д.ф.н. Н.Г. Брагиной “Концепты в интернет-коммуникации” речь шла о специфике интернет-коммуникации и об одном из ее новых жанров – о демотиваторах, в которых текстовое соединяется с визуальным. Были кратко охарактеризованы общие (совпадающие) свойства демотиваторов и их предшественников: открытки, плаката, лубка. Основное внимание уделялось “демотиваторам со смыслом”. В их состав входят изображение, концептуальное слово, интерпретация. Интерпретацию докладчик рассматривает как разновидность метаязыковой рефлексии и относит к наивным толкованиям концептов. Были охарактеризованы виды наивных толкований, рассмотрено их взаимодействие с изображением.

Также были продемонстрированы визуальные стереотипы, закрепленные в новом жанре.

Доклад д.ф.н. С.Е. Никитиной был посвящен актуальным проблемам этноконфессиональной лингвистики. Докладчик предложила определение этой области лингвистических исследований, выявила ряд общих культурных и социокультурных признаков, по которым объединяются различные этноконфессиональные группы. Одна из важнейших задач в исследовании культуры этноконфессиональных групп – это выявление ключевых слов, которые могут различаться по своей значимости. Так, для культуры молокан-прыгунов слово *пророк* является ключевым, а его изъятие из культурного смыслового поля может привести к гибели этноконфессиональной культуры. Особое внимание С.Е. Никитина уделила описанию “тематических параметров” этноконфессиональной культуры, под которыми она понимает некоторые темы, названия ситуаций, типичные для этноконфессиональной культуры, с помощью которых можно проникнуть в ментальный мир ее представителей.

К.ф.н. А.В. Вдовиченко сосредоточил свое внимание на параллели между спором о связи слова и сущности, происходившим в IV в. н.э. между Евномием и каппадокийцами, Св. Василием Великим и Св. Григорием Нисским. Каппадокийцы стремились преодолеть платоновскую традицию поиска связи слова и сущности и представляли любое выражение как выражение по *примышлению*. В современной теории языка платоновское (евномиево) направление имеет следствием различные преломления принципа “знак-значение”, в частности, признание слова главной единицей коммуникативного процесса, а языка – системой знаков и знаний. Каппадокийское направление находит свое продолжение в современных коммуникативных и дискурсивных исследованиях, построенных на идее смысловой нетождественности и нестабильности слова, отсутствии в изолированном слове какого бы то ни было актуального значения и др. Докладчик считает, что Ю.С. Степанов относится к тем лингвистам, которые преодолевают платонизм.

Д.ф.н. Т.Е. Янко применила методы просодии к функциональному анализу падежных и предложно-падежных конструкций. Ю.С. Степанов, используя метод трансформационного анализа, показал, что функция маркирования субъекта не является главной для русского генитива. Просодические данные несут важную информацию о содержании падежных функций. Выбор акцентоносителя в предложениях с несогласованным

определением разделяет именные группы на два класса: в одном из этих классов возможен сдвиг акцента с зависимой группы на вершинную, а в другом – нет. Возможность акцентного сдвига оказывается коррелятом определенных семантических параметров именных групп с зависимыми. Выбор носителя акцента разделяет именные конструкции на имеющие чисто определительное (качественное) значение и большинство остальных именных конструкций.

Д.ф.н. Т.А. Михайлова обратилась к вопросу о “неполноте” и “нефинитности”. Изучив безглагольные конструкции в древнеирландском и русском языке, в которых предикация выражена локализатором (“На нем черный сюртук”, “Мне – туда” и др.), она показала, что эти конструкции восходят к архаическому индоевропейскому синтаксису и обладают скорее типологическим сходством, чем субстратным. Также был рассмотрен ряд устойчивых нарративных приемов, коррелирующих с различными типами предложений. Так, в сагах безглагольные конструкции служат для создания вневременной картины.

Д.ф.н. В.В. Морковкин представил новый комплексный многоцелевой словарь русского языка, созданный в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. Этот словарь призван обеспечить максимально глубокое отражение всех существенных для речепорождения и речепонимания свойств лексических единиц, составляющих самую сердцевину словарного состава современного русского языка, его лексическое ядро. В словаре представлен синергетический подход к лексикографированию, в основе которого лежит понимание *ментально-лингвального комплекса* как функционирующей на основе человеческого мозга самоорганизующейся информационной системы, которая обеспечивает восприятие, понимание, оценку, хранение, преобразование, порождение и передачу информации.

На завершающей конференции секции “Мыслящий тростник” (названной соответственно заглавию последней монографии ученого) обсуждались этапы научного творчества Ю.С. Степанова, особенности его методологии и стиля в науке.

Заседание открыл д.ф.н. В.А. Подорога, посвятивший свой доклад философскому осмыслению особенностей мышления лингвиста. Философ полагает, что понятие *концепт* не принадлежит лингвистике, как не принадлежит оно и любой другой дисциплине. Это условное метадисциплинарное понятие, возникающее в ситуации, когда дисциплина выходит за свои собственные преде-

лы, а концепт при этом выступает как переводчик в другую форму опыта. Концепт не является сущностью, готовой платоновской структурой, которой можно распоряжаться для фиксации некоторых знаний, например, в области лингвистики. Концепт не существует сам по себе, его существование зависит от потребности в нем как инструменте для переключения опыта.

Для иллюстрации этих основных положений В.А. Подорога остановился на рассмотрении концепта в психологии (У. Джеймс), антропологии (К. Леви-Стросс) и философии (Ж. Делёз). Он считает, что этот ряд был успешно продолжен теорией концепта Ю.С. Степанова. С другой стороны, аналитическая техника Ю.С. Степанова привела его к границам лингвистики, заставила выйти в другой “терминологический регион”, где возникают более широкие проблемы, например, проблема сознания и др.

Д.ф.н. В.И. Постовалова осмыслила “неповторимо-степановский” *концептуально-духовный мир*, в котором запечатлено видение им человека и его культуры. Она рассмотрела особые приемы текстообразования, функции триад и метафор. “Воображаемая словесность” Ю.С. Степанова при этом понимается как особое эстетико-филологическое пространство творческого обитания человека в культуре, конструируемое путем единения первичной (жизненной) и вторичной (художественной) реальности. Для творческого подхода Ю.С. Степанова характерны установка на самосознание и установка на интеграцию и преодоление разграничений в культуре, что проявилось в синтезе научного и художественного мышления в его работах.

В своем докладе д.ф.н. Н.М. Азарова создала объемное представление о личности Ю.С. Степанова, рассматривая его деятельность в трехмерном пространстве науки, искусства и быта и соотнеся эти сферы жизни с семантикой, синтактикой и прагматикой. Одна и та же идея могла последовательно воплощаться во всех трех измерениях. Так, *аскеза*, характерная для позднего Степанова, это не просто личная аскеза, проявляющаяся, например, в отказе от путешествий или от излишнего количества выступлений. Аскеза проявляется и в научной сфере как принцип *минимализации* и *формализации*, каждая новая книга становилась для Ю.С. Степанова новым способом формализации. Наука и искусство организуют третье пространство – пространство быта (или театральности), в котором научный и художественный текст в их совместности представляют хэппенинг. При этом отмечается, что “хэппенинг тоже содержит

семантику аскезы, т.к. хэппенинг не претендует на вечность”. Презентация книги как хэппенинг противоположна конвенциональной презентации, в которой книга выступает как продукт. Н.М. Азарова привела примеры с презентацией двух книг Ю.С. Степанова: “Протей. Очерки хаотической эволюции” (2004) и “Концепты. Тонкая пленка цивилизации” (2007), которые происходили на салонах. В основе идеи создания *салона*, принадлежавшей Ю.С. Степанову, было стремление соединить науку и искусство и преодолеть границы конвенциональной научной презентации.

Д.ф.н. Л.Л. Шестакова предложила общее определение понятия *классический учебник* (учебная книга, не утратившая со временем своей актуальности, содержательной и методической ценности, книга, которая учит мыслить), и проанализировала в соответствии с этим учебное пособие Ю.С. Степанова “Основы общего языкознания” (М., 1975). Она показала, что главная методическая задача пособия, сформулированная автором, – “изложить предмет наиболее естественным, а значит, и более легким способом”, решена за счет насыщенности его фактическим материалом, оригинальности в объяснении понятий (например, “языковая норма”), предельной ясности формулировок, необычного построения библиографии, включающей краткие сведения об авторах научных трудов, и т.д. В докладе было специально подчеркнуто, что принятая Ю.С. Степановым стратегия на сближение с читателем-студентом проявилась в выборе местоимения *мы* (в значении “я и собеседник”), использовании вопросно-ответных конструкций, в простоте стиля и занимательности изложения даже самых сложных вопросов общего языкознания.

Д.ф.н. Ю.Л. Оболенская проанализировала испанские мотивы в работах Ю.С. Степанова. Начало и конец творческой деятельности Ю.С. Степанова оказались связаны с языком и культурой Испании. Учеба на испанском отделении филологического факультета оказала сильное влияние на формирование личности ученого, а знание испанской культуры и литературы отразилось во многих его работах. Например, для раздела “Весь мир – театр” в его фундаментальном труде “Константы: словарь русской культуры” (2004 г.) ключевым оказывается знакомство с испанским театром Золотого века. Последней книгой Ю.С. Степанова стало издание “Работ по испанской филологии”, подготовленное совместно с Л.Н. Степановой, где опубликован его перевод и его анализ одного из сонетов Лопе де Веги.

В докладе д.ф.н. *В.А. Масловой* (Белоруссия) показано влияние работ Ю.С. Степанова на развитие современной лингвопоэтики. Целью доклада было установить соотношение традиции и революционных идей в концепции художественного текста Ю.С. Степанова. Термин *поэтика* Ю.С. Степанов связывал с *философией слова*, понимая поэтику как теорию поэзии, создаваемую самими поэтами. Ю.С. Степанов открыл новую область исследования на стыке научного и художественного познания, создал своего рода методологию для такого исследования.

К.ф.н. *В.В. Фещенко*, посвятивший свой доклад внутренней эволюции научной личности Ю.С. Степанова, говорил о его *личном творческом коде*, т.е. о тех константах, концептах и изотемах, которые формировали его научную концепцию, которые составляют метаязык и

своеобразие его лингвистического и философского мышления. Стиль для Степанова – возможно, самая важная константа мышления и поведения. Вместо понятия “парадигма” он предлагает воспользоваться синонимичным ему понятием М. Борна “стиль мышления”, в котором научный взгляд на мир объединен с художественным. Это принципиальная позиция – явления языка с такой точки зрения понимаются одновременно как научно-аналитические и художественно-выразительные. Именно эта ключевая константа степановского метода была детально рассмотрена в докладе.

Конференция завершилась научными и личными воспоминаниями о Ю.С. Степанове и просмотром видеозаписей с его участием.

Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер